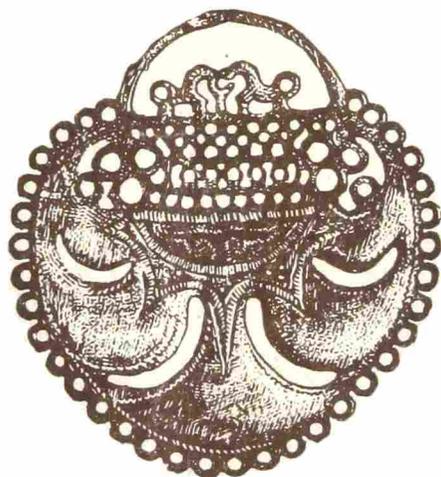

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

1
1978

С. К. КАБАНОВ

РАСКОПКИ СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ III—V ВВ. Н. Э. БЛИЗ КАРШИ

Наиболее распространенными в Каршинском оазисе являются древние поселения, имеющие в настоящее время вид бугров с крутыми склонами и относительно ровной верхней площадкой. Таким является, например, Кош-Тепе 2, которое находится вблизи сел. Мирмирон у юго-западной окраины г. Карши, по дороге в Бешкент. Памятник представляет собой овальный в плане бугор высотой 9 м (рис. 1), длиной (в направлении с севера на юг) у основания в 73 м, шириной в 60 м; размеры верхней площадки значительно меньше — соответственно 45×30 м. Поселение, судя по рельефу, имело два входа — в южной и западной сторонах. «Кош-Тепе» в переводе означает «двойное тепе», недалеко от него, примерно в 300 м к юго-западу, находится более крупный бугор (Кош-Тепе 1) двухъярусный, с выделяющейся вышкой.

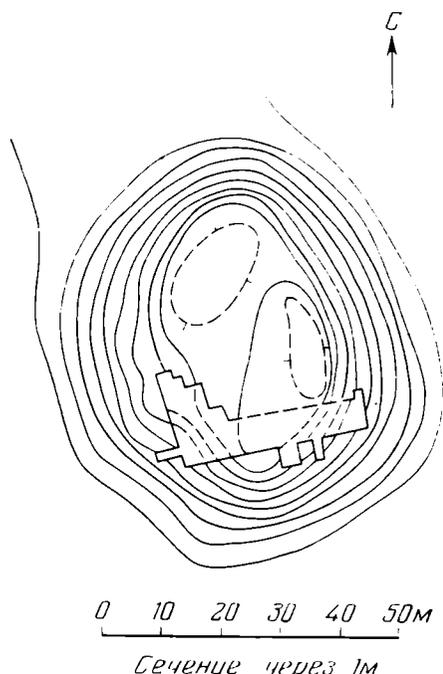

Рис. 1. Кош-Тепе 2. План

В 1971—1972 гг. автор вел разведочные раскопки¹, позволившие установить планировку примерно одной пятой части площади поселения, его стратиграфию, а также собрать значительный комплекс археологических материалов, в которых с большой четкостью выявляются особенности материальной культуры Нахшеба, как в древности назывался оазис низовой части долины р. Кашкадарья.

Раскоп площадью 450 м² занял южный склон тепе, южную половину западного склона (рис. 2) и небольшой прилегающий участок верхней площадки. В раскопе выявлены два жилых массива (или здания) — западный и восточный, разделенные узким проходом (рис. 3 и 4). Западный массив отличается большей стройностью плана. Он прилегает к крепостной стене, которая является его внешней стеной с южной и западной сторон.

На южном склоне вскрыты два больших помещения (2 и 4): к первому из них с востока прилегало еще одно помещение, небольшое (№ 1),

¹ Работы велись экспедиционным отрядом Института археологии Академии наук УзССР в связи с подготовкой к строительству Каршинского магистрального канала.

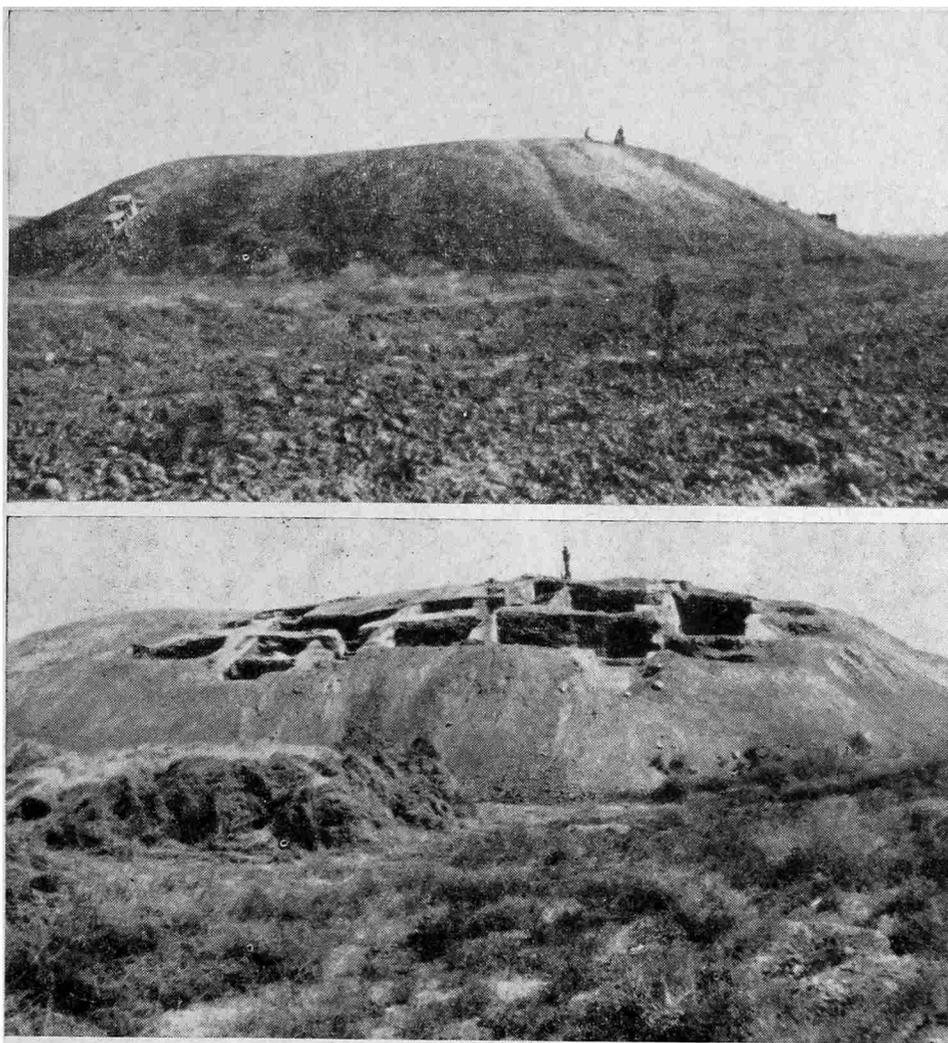

Рис. 2. Кош-Тепе 2. Вид с запада после раскопок

пристроенное к массивной (толщиной в 1,35 м) стене помещения 2. Его пол находился на глубине 1,5 м от поверхности.

Помещения западного массива от поверхности до уровня полов, лежащих на глубине до 3,5 м, заполнены завалом из рыхлой желтой глины, местами буроватого оттенка. В завале помещения 9 находилась примесь золы и обожженной земли. В помещении 2 встречались фрагменты стенок очагов, а пол его, ровный и плотный, усыпан золой с вкраплениями угольков. Часть северной стены обожжена и закопчена, в западной части помещения было очень много обожженной пылевидной земли. В пол помещения 4 были вкопаны три хума (рис. 5). Помещение 7 с восточной стороны не замкнуто, и в последний период обживания поселение могло служить айваном. Проемы (шириной от 0,80 до 1 м) между помещениями — без признаков арочной кладки и, видимо, перекрывались балкой. Стены оштукатурены. Северную часть двух помещений (9 и 19) занимает суфа.

Для исследования наслоений, подстилающих пол помещения 2, в его северо-западном углу был заложен шурф размером 2,5×1,5 м. До глубины в 5 м от поверхности вскрывался комковатый грунт, рыхлый, буроватого оттенка. В северной стене был открыт проем плоского перекрытия, уровень перекрытия которого совпал с уровнем пола (рис. 4, II).

При углублении шурфа до 5,5 м установлено, что капитальная стена возведена на стилобате из комков буровато-желтой глины. Расчисткой в

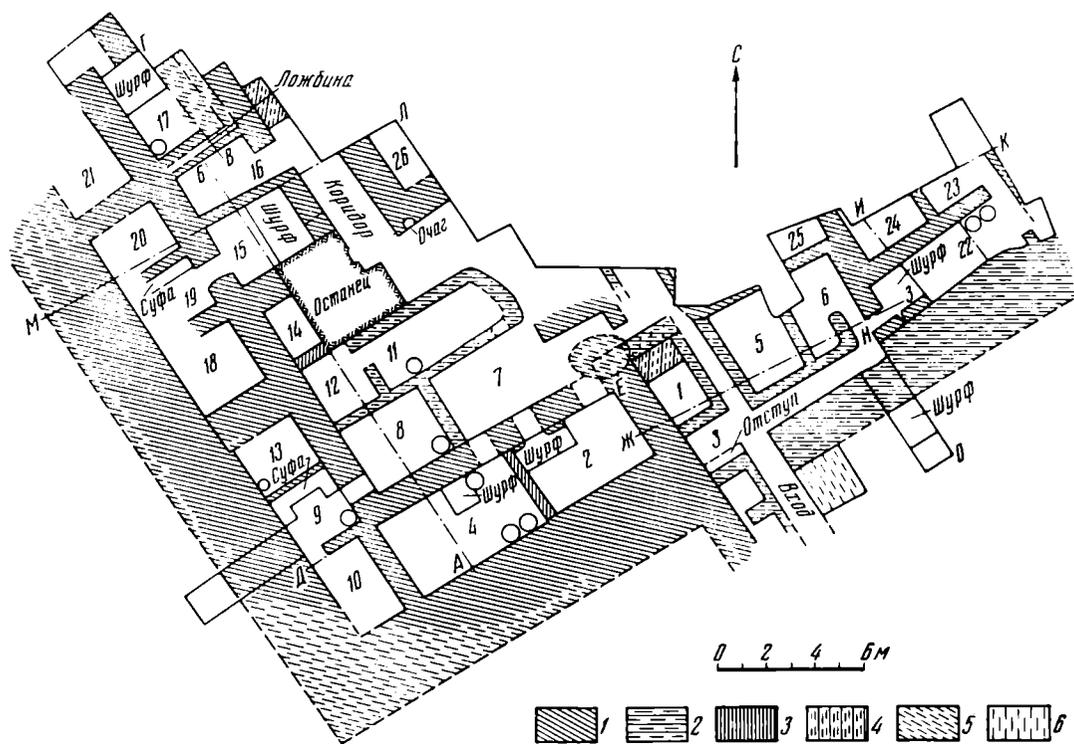

Рис. 3. План раскопа на Кош-Тепе 2. 1 — глинобитные стены первого строительного периода; 2 — глинобитные стены второго периода; 3 — кирпичные стены второго периода; 4 — кладки третьего периода; 5 — завалы из обожженной земли во 2—3 ярусах; 6 — накладка (контрфорс) к крепостной стене из комков глины

западной части памятника (помещение 9) определена толщина внешней стены поселения. Мощность ее была не менее 3,3 м.

На глубине 10—20 см вдоль западного склона тепе, параллельно крепостной стене, тянулась капитальная стена толщиной в 1,2—1,3 м, прослеженная на протяжении 23 м от помещения 4 до ложбины на западном склоне тепе. По обе стороны этой стены расположены два ряда помещений, западные из них сохранились плохо. По восточную сторону стены лучше других сохранились помещения 15 и 16, разделенные тонкой (40 см) стенкой, проведенной наискось таким образом, что в помещении 15 более широкой является западная его часть, а в помещении 16 — восточная; вместе, однако, они составляют правильный прямоугольник, вытянутый с севера на юг, длиной 5,4 м, шириной 3,5 м. Видимо, в начале этот участок занимал небольшой зал, перегородженный при перестройке косой стенкой на две части. Этот вывод подтверждает и наличие относительно широкого дверного проема к восточной стене помещения 16, равного 1,3 м.

Помещение 16 с севера ограничено (как помещение 8 с юга) капитальной стеной толщиной 1,2 м.

На верхнем срезе капитальной стены, ограничивающей помещение 16 с севера, примерно на середине поверхности была расчищена продольная ложбина шириной 30 см и глубиной 15 см. Осталось неясным назначение этой ложбины, но ее наличие является признаком обживания поселения уже после того, как капитальное здание было разрушено. За стеной, с северной ее стороны, был обнаружен завал из рыхлой глины, обожженной земли и керамики, среди которой выделялись обломки курильниц на вертикальных стержнях. Некоторые курильницы были гончарным браком. На глубине примерно в 1 м был расчищен пол, прикрытый слоем обож-

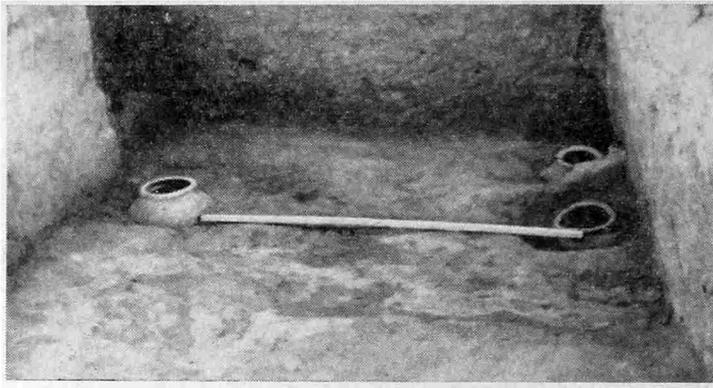

Рис. 5. Помещение 4. Вид с запада

женной земли и угля. Несомненно, это был уровень последнего периода обживания поселения; можно предположить, что в этом месте в последний период обживания поселения была гончарная печь для обжига лепных изделий. Но из-за плохой сохранности восстановить какие-либо особенности ее конструкции оказалось невозможным.

Небольшой участок верхней площадки тепе был вскрыт восточнее помещения 15 и останца, прикрывающего восточную часть помещения 14. На этом участке был выявлен коридор (рис. 3; рис. 4, III). Длина вскрытого отрезка коридора 12 м; с южной стороны он ограничен стеной помещения 11. Северная часть коридора в последний период жизни поселения была заложена чередующимися слоями плотной желтой и буроватой «болотной» (тунной) глины, ширина коридора 2 м, толщина его западной стены около 1 м, восточной — 1,4 м.

К востоку от коридора открыт угол, по-видимому, центрального помещения или двора (рис. 3, помещение 26).

Почти в середине южного склона, с небольшим смещением к востоку, в крепостной стене открыт вход в поселение. В последний период ширина его составляла всего 1,15 м. Видимо, в первоначальный период ширина его была значительно больше, она составляла не менее 3 м. Коридор был сужен за счет пристройки помещения 1, а также небольшой предвратной камеры, пристроенной к массивной стене поселения.

От входа начинаются два узких коридора, один из них вел в глубь поселения, второй шел вдоль крепостной стены и вел в восточный жилой массив, вскрытый на небольшой площади, что не дает возможности судить о его планировке. Можно предположить, что постройки его были менее капитальными, а планировка менее стройной, чем в западном массиве.

В восточной части раскопа полностью оконтурено только одно помещение — 22; длина этого помещения почти 8 м, ширина 2,2—2,4 м. С юга оно ограничено крепостной стеной, с севера — капитальной гладко оштукатуренной стеной. Кроме узкого прохода с запада в этом помещении есть и еще один проем, ведущий на север, вдоль восточной стены.

Для выяснения конструкции южной стены были заложены два шурфа, один из них — в помещении 22, второй — с внешней ее стороны (рис. 3). Выявилось, что вначале стена была возведена из крупных блоков пахсы, в более поздний период над ней была возведена глинобитная стена (рис. 4, IV).

Поскольку раскоп был разведочным, можно только ориентировочно наметить некоторые этапы перестроек, условно назвав их строительными периодами. Древнейшие стены сооружения зафиксированы на чертеже (рис. 3) как относящиеся к первому строительному периоду. Уровни по-

лов I и II (см. рис. 4, II) относятся к одному строительному периоду: возможно, что первоначально здание было двухэтажным, поскольку дверные проемы на различных уровнях прорезают одну и ту же стену. Ко второму строительному периоду относится помещение 1, а также тонкие стены помещений 5 и 6, 8, 11 и 12. В этот же период дополнительно укреплена восточная часть южной стены. Наконец, к третьему периоду можно отнести кладку из туонной глины в северной части внутреннего коридора, кладку над помещением 1 и следы гончарного производства над помещениями 2 и 17.

Стилобат, на котором возвышалось укрепленное поселение, находится на глубине 5 м и практически был недосыгаем для исследования.

Керамические находки хорошо разделяются стратиграфически. Наиболее древними можно считать фрагменты кубков на высоких полках, происходящие из нижних наслоений (рис. 6, 11—13). Этот тип сосудов весьма характерен для II—III вв. н. э.²

В верхних и нижних слоях Кош-Тепе 2 частыми находками являются тонкостенные кувшинчики (рис. 6, 14—18 и рис. 7, 7, 8), встречавшиеся на многих памятниках Каршинского оазиса³ в наслоениях III—V вв. Эти кувшинчики обычно отличаются хорошим обжигом. Плотный белый ангоб покрывает весь корпус сосуда, за исключением придонной части, где ангоб красноватый или розовый. Кувшинчики имеют небольшое, но достаточно устойчивое доннышко, покатые плечики и довольно широкое горлышко, завершающееся утолщенной полоской вокруг устья. Высота сосудов около 15 см. Надо отметить, что на Кош-Тепе 2 не все сосуды этого вида выполнены в совершенной гончарной технике: некоторые из них имеют слабый обжиг, покрыты серым, отслаивающимся ангобом; они более приземисты (рис. 8, слева). Возможно, что эти сосуды являются продукцией сельских гончаров.

На Кош-Тепе 2 впервые встретился кувшинчик гончарного производства с почти шаровидным туловом на поддоне, узким горлышком, расширяющимся кверху раструбом. Ручка почти овальная в разрезе, прикреплялась к краю устья сосуда и к плечу. Черепок имеет розовый цвет, ангоб плотный, белый, у донца красный. Высота сосуда 21,5 см, диаметр устья 7 см (рис. 8, справа). Сосуд найден в верхних наслоениях (в помещении 12, на глубине 70 см), но обломки подобных сосудов найдены в нижних слоях, в частности в завале над полом помещения 2 (рис. 6, 20).

Примечательно, что в пределах Согда описанные сосуды характерны только для Нахшеба. Ближайшие им аналогии выявлены далеко на западе — в Мерве. Там известны несколько более крупные кувшинчики, без поддонов и на поддонах, стройные, примерно с таким же соотношением тулова и горлышка, без венчика и с ручкой, прикрепленной к горлышку несколько ниже; датируются эти сосуды II—III вв. н. э.⁴

Быть может, это сходство теперь и не является таким уж неожиданным в свете выявляющегося факта правления в Нахшебе отпрысков аршакидской династии как ставленников кушанских владетелей⁵. Вполне вероятно прибытие в Нахшеб мастеров из Мерва и внедрение ими в обиход местного населения некоторых форм сосудов.

Рассмотренные кувшинчики являются наиболее характерными среди тонкостенной посуды, изготовленной на круге. Как в нижних (рис. 6,

² Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973, с. 65, рис. 14, 2.

³ Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. — ВДИ, 1956, № 2, с. 165, 166.

⁴ Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва. — ТЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, с. 74, рис. 10, 13 и др.

⁵ Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973, с. 18; Кабанов С. К. Поздние кушаны в Нахшебе. — ВДИ, 1973, № 3, с. 170.

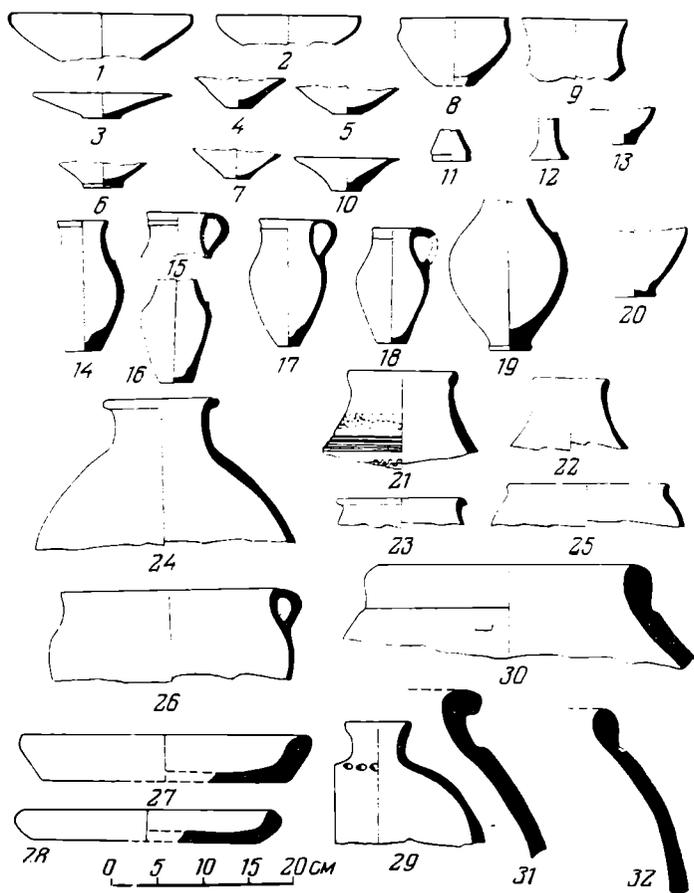

Рис. 6. Станковая керамика из нижних наслоений

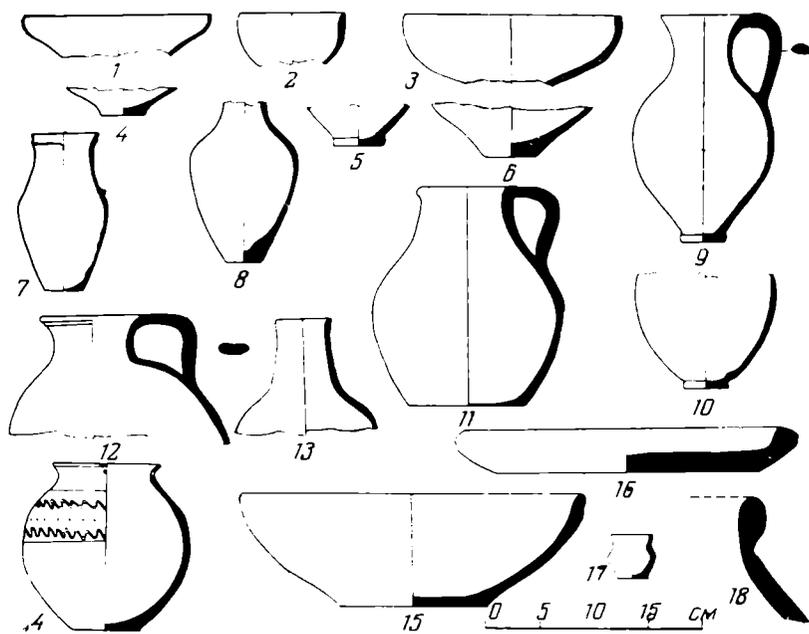

Рис. 7. Станковая керамика из верхних наслоений

1—2), так и в верхних (рис. 7, 1, 4) наслоениях встречались фрагменты красноангобированных уплощенных чаш, по форме и по технике изготовления очень сходных с сосудом, найденным на Дагай-Тепе⁶.

Толстостенная посуда станковой работы представлена также кувшинами с коротким объемистым туловом и короткой же горловиной с широким устьем. Из верхних наслоений происходит бракованный кувшин с помятым корпусом (рис. 7, 12), что свидетельствует о местном производстве станковой посуды. Вьючные фляги — мустахара — имеют узкое горлышко и объемистый корпус, одна сторона которого плоская, вторая — полусферическая (рис. 6, 29). Найден горшкообразный сосуд с орнаментом в виде волнистых линий на плечиках (рис. 7, 14). Очень характерны толстостенные подносы с широкими днищами и невысокими бортиками (рис. 6, 27, 28; рис. 7, 16); такие сосуды часто встречались в наслоениях III—V вв. окрестных памятников⁷.

Не менее двух третей всех керамических находок составляли обломки хумов (рис. 6, 30—32; рис. 7, 18). В ряде помещений найдены целые сосуды (на плане рис. 3 они обозначены кружками). Они яйцевидной формы, края устья обрамлены валпками. Высота хумов до 1 м.

От руки изготовлялись все жаростойкие сосуды — котлы, курильницы, светильники; в тесто этих сосудов включалось большое количество шамота (толченой керамики), что придавало им относительную жаростойкость. При изготовлении лепной посуды, надо полагать, древние традиции гончарства были наиболее устойчивыми.

На полу помещения 2 найдены обломки очень крупного котла высотой в 28 см, с диаметром корпуса в 40 см (рис. 9, 1). Толщина его стенок до 3 см; снаружи и внутри стенки обмазаны плотным желтоватым ангобом. Поверхность шероховатая от выступающих частиц примесей. Котел изготовлялся в два приема: верхняя и нижняя части формовались отдельно, затем они соединялись. В месте соединения, примерно в середине высоты сосуда, рельефно выявляется шов. Днище плоское, с закругленным переходом к объемистому корпусу; корпус плавно сужается к устью, край которого срезан.

Описываемый сосуд отличается не только размерами, но и особым убранством. На плечики сосуда наложены знаки в виде дужки с плавно загнутыми в стороны и вверх концами, образующими незамкнутую окружность; от вершины дуги опущена вертикаль, раздваивающаяся на уровне ее основания (рис. 10). Таких знаков на котле было не менее двух. Подобные знаки известны в этнографических материалах⁸. Судя по ангобу, толщине стенок, технике исполнения, описанному сосуду принадлежало схематическое налепное изображение горного козла (рис. 9, 12). Можно предположить, что описанный сосуд использовался в особо торжественных случаях.

Рис. 8. Тонкостенные кувшинчики

⁶ Кабанов С. К. Археологические данные..., с. 166, рис. 3.

⁷ Кабанов С. К. Руины здания времени кушан близ Карши.— ИМКУ, 1973, вып. 10, с. 32, рис. 2, комплекс 1, 9.

⁸ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.— Л., 1959, с. 91, 92, рис. 31, 1, 2; в этих прорисовках знаки перевернуты в сопоставлении с выявленным на котле из Кош-Тепе 2.

В помещении 2, также около пола, найден крупный фрагмент котла другого вида. Котел с плоским дном и почти прямой стенкой корпуса, видимо, предназначенный для повседневного применения (рис. 9, 6); около донышка — декоративная ручка в виде перевернутой дуги.

В том же помещении найдены фрагменты и других котлов с декоративными ручками в виде выступов, сверху обрамленных скобами (рис. 9, 8, 9) или волнистыми линиями (рис. 9, 10, 11). Встречаются, однако, и котлы с ручками, пригодными для переноски сосудов (рис. 9, 5, 13). На

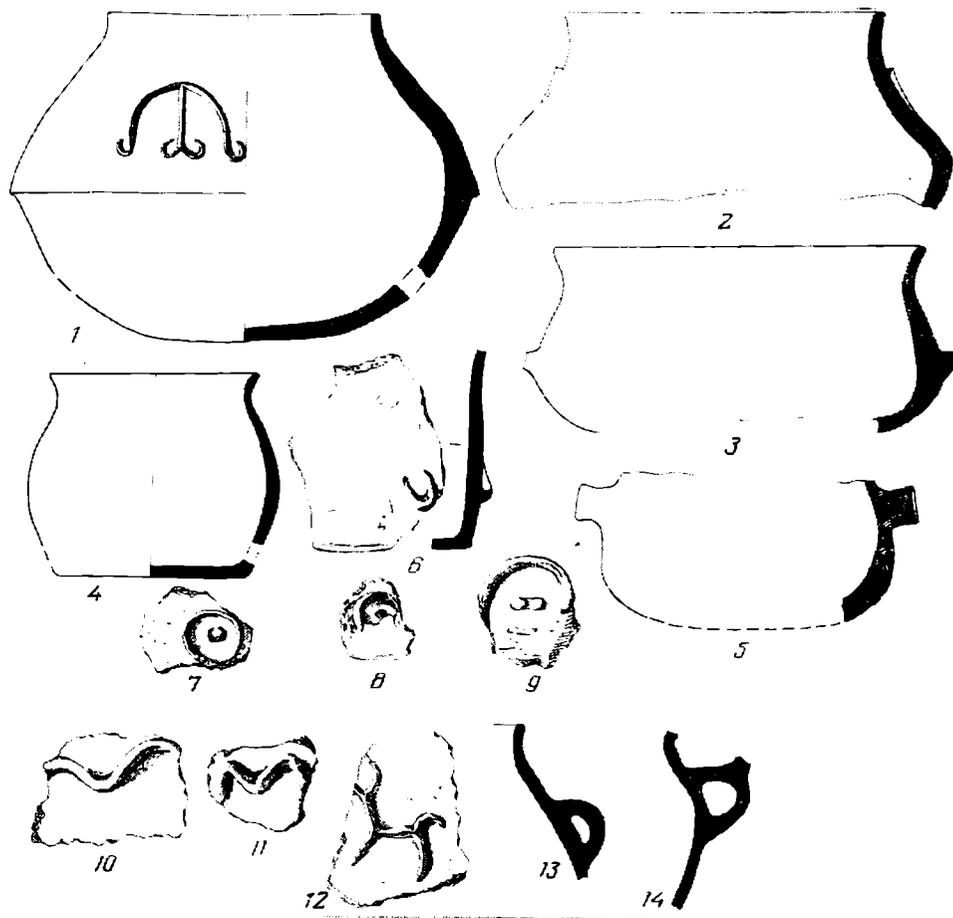

Рис. 9. Котлы

ручках двух котлов из верхних наслоений имеется навершие в виде круглого выступа (рис. 9, 14), являющееся рудиментом зооморфного изображения.

Обнаружение в помещении 2 большого количества обожженной земли, фрагментов стенок очага и котлов дает основание предположить, что это помещение было кухней.

Почти во всех обследованных памятниках Каршинского оазиса, в наслоениях III—V вв., там, где встречались описанные выше тонкостенные кувшинчики, встречались и фрагменты курильницы на высоких стержнях. Лишь в одном случае удалось восстановить форму сосуда⁹. Наибольшее количество курильниц обнаружено на Кош-Тепе 2; возможно, что здесь действительно изготовляли эти сосуды. Большая часть этих сосудов грубой лепной работы. Стержни, которых найдено не менее 20, округлые или квадратные в срезе, высотой в 12—18 см, с ручками или без ручек

⁹ Кабанов С. К. Археологические данные..., с. 168, рис. 8.

(рис. 11). Сосуды покрывались серым или желтоватым ангобом. Резервуар — в виде чаши с прямыми или слегка закругленными стенками, основания курильниц имеют вид опрокинутой чаши. Поверхность чаши, поддона украшалась орнаментом, основными элементами которого являлись шиповидные или круглые плоские налепы в сочетании с налепными же валиками. Сочетания этих простых элементов орнамента были разнообразными: чаще всего concentрические ряды шиповидных выступов, прямые или извилистые радиальные линии, чередующиеся с точечными рядами, с неизменным бордюром по краю из шиповидных палепов; из валиков образуются снопы лучей или несложная геометрическая вязь.

Светильники встречались значительно реже курильниц. Они имеют вид плоски с невысоким бортиком, с зубчатым краем и с ручкой в виде горизонтального стержня, иногда украшенного зооморфным изображением. Один из светильников имеет ручку в виде довольно натуралистично выполненного изображения барана с удлиненным туловищем¹⁰; на массивной шее — голова с заостренной мордой; глаза — в виде круглых налепов; такие же налепы нанесены на лоб, между рогами и на затылок — по одному. Вдоль спины нанесен продольный ряд таких же круглых налепов. От него отходят ряды налепов к передним и задним конечностям: создается впечатление изображения остова попоны. Передние ноги животного закреплены на бортике, голова нависает над резервуаром. Светильник слеплен из тонко promешанной глины с небольшой примесью мелкодробленой керамики; ангоб серый, с зеленоватым оттенком. Часть внутренней поверхности бортика резервуара ошлакована. Длина всего светильника с ручкой 20 см, диаметр резервуара 11 см, высота его 3 см. Зооморфная ручка сосуда с таким богатым убранством дает возможность предположить, что этот светильник предназначался для обрядовых целей.

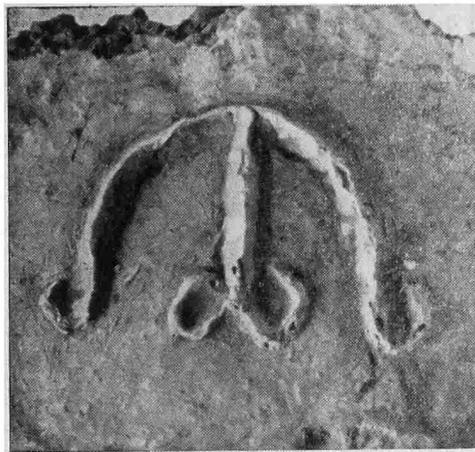

Рис. 10. Знак на котле

Второй светильник — с более примитивной ручкой, круглой в сечении. Верхняя часть ее, видимо, также была увенчана налепом в виде головы животного.

От руки лепилась не только жаростойкая посуда, но и некоторые виды сосудов для стола и кухни. К ним прежде всего относятся миски, имевшие округлое или плоское дно. Встречались цилиндрические кружки с проушными ручками и миниатюрные сосуды. Крышки имеют вид плоских дисков, верхняя поверхность которых украшалась чаще всего вдавлениями пальцев или палочкой, расположенными иногда concentрическими кругами; встречались и крышки, украшенные довольно сложным налепным орнаментом в виде плетения. Ручки крышек в виде пластинчатых выступов, дужек, в одном случае — двух пересекающихся дужек. В мелких обломках найдены жаровни с невысокими вертикальными стенками.

Из керамических изделий кроме посуды встречались пряслица, застежки, дисковидные подвески из необожженной глины для ткацкого станка. Они имеют два-три отверстия для подвешивания. Часто встречались очажные подставки, найденные ранее на многих памятниках III—VI вв.¹¹

¹⁰ Кабанов С. К. Поздние кушаны в Нахшебе, с. 163, рис. 4.

¹¹ Кабанов С. К. Археологические данные..., с. 168, рис. 9.

Рис. 11. Курильницы. Вверху — образцы налепного орнамента, внизу — стержни

Довольно частыми находками были зернотерки и ручные жернова; нижние камни жерновов — с выпуклой рабочей поверхностью, верхние — с вогнутой.

В завале над помещением 7 на глубине 1,5 м найдена раковина-жемчужница (рис. 12) диаметром 14,8 см¹². На внутренней перламутровой поверхности выгравированы три группы кружков (диаметром 0,7 см). Возможно, раковина имела магическое значение. Найдены и еще два фрагмента раковин, но без гравировки.

Из поселения происходят девять монет, но почти все они плохой сохранности. Семь монет определены как нахшебские¹³. На их аверсе изображение головы владетеля в профиль влево, на реверсе — владетель во весь рост, поражающий коротким мечом вставшее на дыбы львоподобное чудовище (на большинстве монет изображения восстанавливаются по отдельным сохранившимся элементам). Одну из монет можно определить как относящуюся к раннему типу и датировать IV в., две монеты относятся к V в.

В результате двух полевых сезонов на Кош-Тепе 2 было установлено, что поселение существовало в III—V вв. н. э. Оно состояло из нескольких плотно сомкнутых крупных зданий, обнесенных общей стеной. Выявлены признаки трех строительных периодов, но смена их, по крайней мере двух последних, не сопровождалась изменением состава культурных остатков: это была только перестройка постоянными обитателями использовавших-

¹² *Pinctada margaritifera*, моллюск из Индийского океана. Определение научного сотрудника Института зоологии АН СССР О. А. Скарлата (Ленинград).

¹³ Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв.—ВДИ, 1961, № 1, с. 137—144; его же. Поздние кушаны в Нахшебе, с. 160—166.

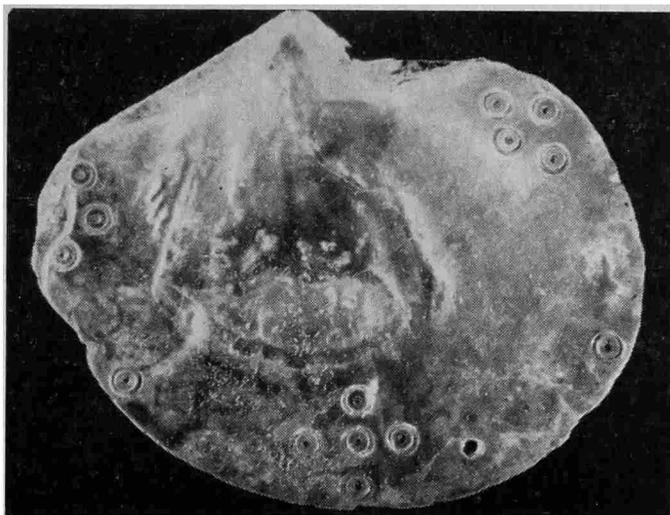

Рис. 12. Раковина-жемчужница

ся в течение длительного времени зданий, сложенных из легко поддающегося разрушениям материала — глины.

Отсутствие на Кош-Тепе 2 особой, обычной для более крупных поселений, возвышенной части, которую можно было бы принять за развалины цитадели или здания типа замка, дает основание предположить, что здесь не было владельца-аристократа; возможно, что на поселении обитали несколько родственных семей, объединенных в большесемейную общину. Наличие таких больших помещений, как 2 и 4, видимо, бывших общими для всех обитателей и служивших в качестве кухни и склада, говорит в пользу этого предположения.

Некоторые виды изделий, обнаруженных при раскопках, характеризуют идеологические представления древних обитателей поселения; вместе с тем они дают основание для вскрытия элементов этнической истории Нахшеба.

Пожалуй, одной из наиболее заметных особенностей в материальной культуре Нахшеба III—V вв. явилось широкое применение на жаростойких сосудах (курильницах, котлах, светильниках) налпного орнамента. Чаще всего им украшались курильницы. На данном памятнике курильницы встречались особенно часто, быть может, здесь они и изготовлялись, но они не редкость и на других поселениях этого времени в оазисе, а также и в прилегающих к нему с востока орошенных землях.

Этнографические данные позволяют установить назначение этих сосудов. Таджики отдаленной горной долины Хуф при каждом важном хозяйственном процессе выполняли установленный ритуал, в котором немаловажное значение имело окуривание, например, при окончании помола зерна¹⁴, при первом после зимовки выгоне скота на пастбище¹⁵, при выезде на летовки¹⁶, при подготовке к выплавке железа¹⁷. Применяли воскуривание и гончары¹⁸.

В древности, надо полагать, обычай жертвоприношения и окуривания выполнялся неукоснительно, для чего и служили курильницы: это был предмет, связанный с выполнением обрядов, выработанных в соответствии

¹⁴ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи), вып. II. Сталинабад, 1958, с. 95.

¹⁵ Там же, с. 129.

¹⁶ Там же, с. 134.

¹⁷ Там же, с. 185.

¹⁸ Пещерева Е. М. Ук. соч., с. 120, 121.

с магическими представлениями древних земледельцев; таких обрядов, как видно, совершалось немало на протяжении каждого года. Этим и объясняется большое количество находок этих сосудов.

Выше было отмечено, что в памятниках Каршинского оазиса курльницы встречались там же, где и тонкостенные кувшинчики. В свете приведенного сопоставления с этнографическими материалами выясняется, что это не случайно, в этом совпадении отражается тот же обычай сопровождать хозяйственную деятельность магической обрядностью. Собственно, вывод о культовом назначении кувшинчиков был сделан ранее¹⁹, правильность его теперь подтверждается новыми наблюдениями.

Интересно отметить, что кувшинчик с поддоном, очень похожий на выявленный в наслоениях Кош-Тепе 2 (рис. 8, справа), замечен в руках жреца, изображенного в сцене жертвоприношения или воскуривания на стенной росписи языческого храма в Дура-Европос. Жрец в длинном одеянии и в высоком остроконечном головном уборе в левой руке держит кувшинчик над правой рукой, опущенной вниз и простертой над жертвенником²⁰. Присутствует много лиц в роскошных одеждах. Эта сцена связывается с ритуалом воскуривания фимпама²¹. Памятник (роспись) датируется концом II — началом III в. н. э. В свете приведенных данных можно считать, что курльницы были домашними жертвенниками и применялись также при совершении других обрядов помимо жертвоприношений.

Среди находок на Кош-тепе 2 очень интересен котел из помещения 2 с налепным знаком в виде дужки с вертикалью и, возможно, с изображением горного козла. Эта находка показывает, что налепные изображения были разнообразными по сюжетам и, по-видимому, имели магическое значение.

Выше уже отмечалось, что налепной знак на котле из помещения 2 находит себе аналогии в этнографической литературе. Имеются в виду знаки на сосудах, приобретенных в селениях долины реки Ванч, на Памире. О них Е. М. Пещерева пишет: «Даже на основании такого малого количества образцов, которыми мы располагаем, видно, что орнамент этот имеет свой особый характер, отличный от характера орнамента других мест. Аналогий ему нет ни в современной женской керамике Таджикистана, ни в археологических материалах других мест Средней Азии»²². Можно согласиться с предположением, что этот знак относится к числу тех, которые связаны с «земледельческим культом плодородия»²³. Видимо, это знак магический, а не тамга как знак собственности и не династийный знак владельца.

К предметам, связанным с идеологическими представлениями обитателей поселения, относятся и светильники с зооморфными ручками. Зооморфные изображения на кувшинах и кружках широко известны в северных и восточных районах Средней Азии, они истолковываются как фарны — охранители воды у кангюйцев²⁴. В Каршинском оазисе подобные изображения на кувшинах и на других сосудах, связанных с водой, не встречаются. На светильниках их, видимо, следует рассматривать как «охранителей» огня. Это различие дало нам основание прийти к выводу, что зооморфные изображения на светильниках отражали идеологические представления, по-видимому, другой этнической группы, возможно юечжей²⁵.

¹⁹ Рутковская Л. М. Ук. соч., с. 92, 93.

²⁰ Ghirshman R. *Iran parthians and Sassanians*, London, 1962, p. 46; Schlumberger D. *L'Orient Hellénisé*. Paris, 1970, p. 103—105.

²¹ Schlumberger D. *Op. cit.*, p. 87.

²² Пещерева Е. М. Ук. соч., с. 92.

²³ Там же, с. 96.

²⁴ Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. — СА, 1967. № 2, с. 33.

²⁵ Кабанов С. К. Поздние кушаны в Нахшебе, с. 167.

Можно считать установленным, что три вида сосудов лепной работы — курильницы, особо изготовленные котлы и светильники с зооморфными ручками — имели отношение к верованиям древнего населения Нахшеба: все эти сосуды жаростойкие, они отражают отношение к огню как стихии особо почитаемой, можно полагать, что все они связаны с культом огня.

S. K. Kabanov

LES FOUILLES D'UNE AGGLOMERATION RURALE
DES IIIe-Ve SIECLES, PRES DE KARCHI

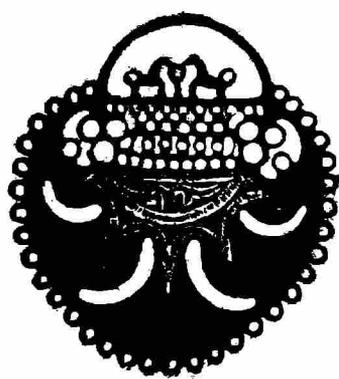
Résumé

Cet article donne un exposé succinct des résultats des fouilles archéologiques effectuées dans une petite agglomération rurale de l'oasis de Karchi (l'ancienne Nakhcheb). On a creusé le sol de ce village sur une superficie de 450 m²; cette exploration a révélé deux ensembles d'habitations, séparés par un étroit passage (fig. 3). On a pu établir trois périodes d'habitation du site.

Parmi les poteries faites au tour, les plus intéressantes sont des petites cruches aux minces parois (fig. 8); on en a trouvé de semblables dans les pièces provenant de Merv, ce qui est la preuve des liens existant entre l'ancienne population de Nakhcheb et la culture parthe d'époque tardive.

En ce qui concerne les objets modelés à la main, on distingue trois sortes d'ustensiles pouvant aller au feu: des chaudrons (fig. 9), des sortes de brûle-encens (fig. 11), et des lampes. Leurs particularités permettent d'établir quelques traits des représentations idéologiques de l'ancienne population de Nakhcheb. Les figures zoomorphes et les ornements modelés sur les vases, si on les compare aux monuments du nord de l'Asie Centrale, nous permettent de conclure qu'à Nakhcheb, entre le IIIe et le Ve s., dans les conditions d'une coexistence multiséculaire des Sogdiens et des louetchjis dans cette oasis, s'était formée une culture syncrétique particulière, sogdienne-iouetchji.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА В ДОЛИНЕ Р. КАШКА-ДАРЬЯ

В 1957 г. в средней части долины р. Кашка-Дарья было проведено археологическое обследование ряда развалин древних поселений. На одном из памятников, известном под названием Кыз-Тепе, находящемся в 1,5 км к востоку от кишлака Бердали (Камашинский район Узбекской ССР), были проведены раскопочные работы. В результате раскопок выяснилось, что памятник является развалинами усадьбы существовавшей с III по VI в. Во время вскрытия одного из помещений было

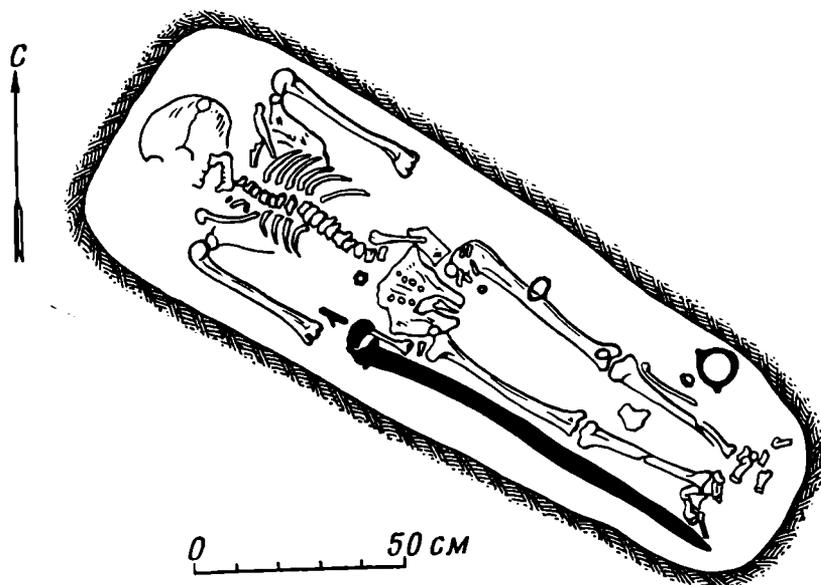

Рис. 1. Погребение на Кыз-Тепе

обнаружено погребение, не связанное с усадьбой и совершенное в то время, когда здание уже находилось в развалинах¹.

Могила с вертикальными стенками была открыта почти в центре верхней площадки тепе и ориентирована в направлении с северо-запада на юго-восток (рис. 1). Могильная яма пришлась частью на стену одного из помещений, частью на прилегающий завал, заполнявший это помещение. В могиле на глубине 1,3 м от поверхности тепе лежал скелет мужчины головою на северо-запад, лицо повернуто вправо.

Кости были очень плохой сохранности, но все же удалось взять череп, к сожалению, в состоянии, не позволявшем произвести антропологические измерения. Приведем заключение В. Я. Зезенковой: «Фрагменты очень объемистого мужского черепа. Измерений сделать нельзя. О форме черепа судить очень трудно, так как череп посмертно деформирован. Лобная кость весьма массивная, на ней отмечаются хорошо развитые надбровные дуги. Хорошо выраженный рельеф отмечается на всех фрагментах черепа (череп был, по-видимому, сильно матурецован). На основании изучения лицевых костей (челюсти, носовые кости) можно с полной уверенностью череп отнести к европеоидному расовому типу. Об этом свидетельствуют суженный поперечный профиль лица, глубокие клыковые ямки, очень сильно выступающий нос. Череп близок к андроновскому типу». Рост человека был около 175 см.

При скелете обнаружен инвентарь из железа² (рис. 2). Наиболее заметной вещью в инвентаре является сабля, положенная у правого

¹ В раскопках принимал участие лаборант А. Н. Златомрежев.

² Инвентарь погребения обработан в лаборатории ЛОИА АН СССР Т. А. Сергеевой, за что пользуюсь случаем принести ей искреннюю благодарность. Все предметы из погребения переданы на хранение в Сурхан-Дарьинский областной музей (г. Термез).

бока, с плохо сохранившейся рукояткой почти на уровне пояса. Сабля (рис. 2, 1) слегка прогнута, с хорошо выраженным в сечении острием; она изготовлена из железной полосы шириной от 4,6 до 3,6 см и длиной 94 см. От рукоятки осталось перекрестие в виде валика с незначительными выступами по сторонам. Длина оставшейся части рукоятки равна 8 см. На перекрестии отмечено зеленое пятно — признак добавки

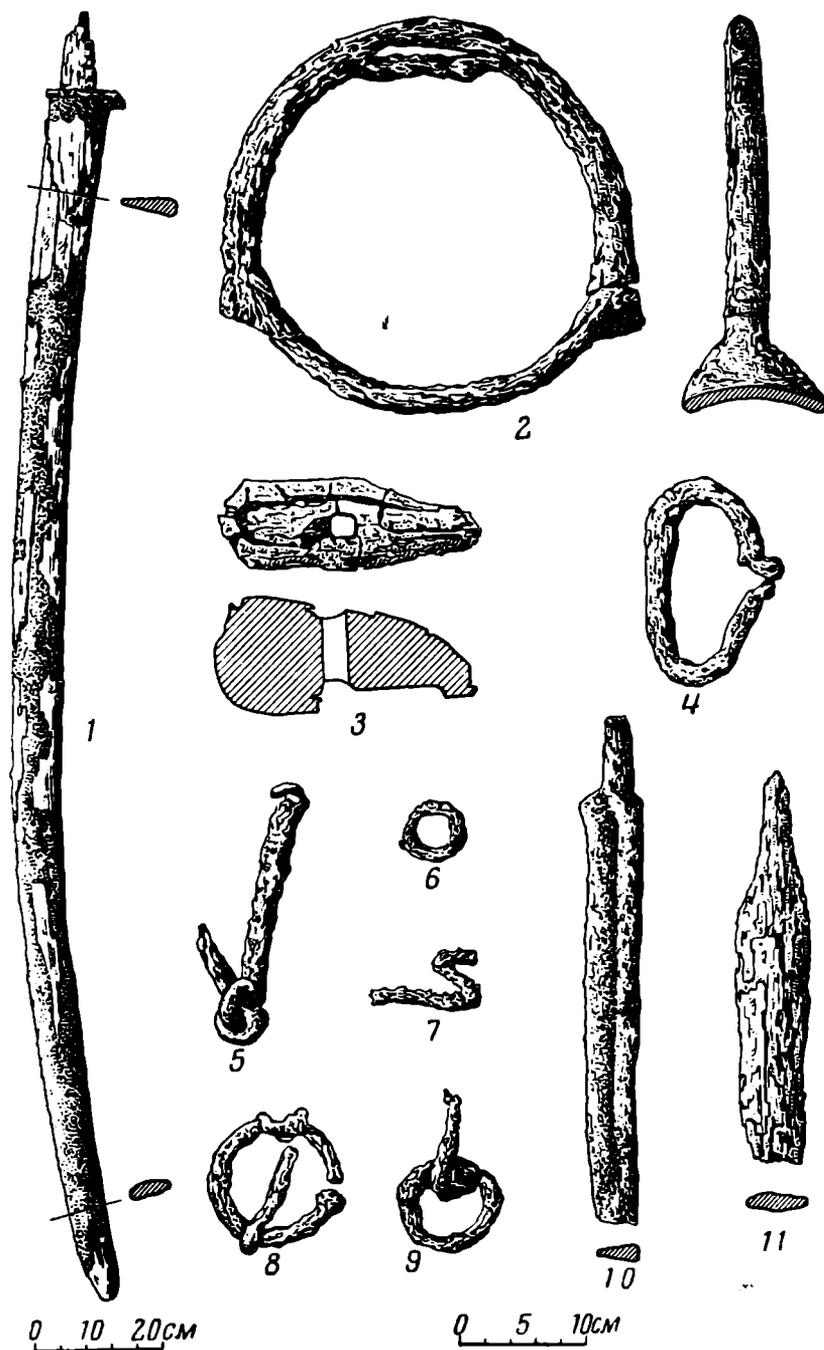

Рис. 2. Инвентарь погребения

1 — сабля, 2 — стремя, 3 — клевец (?), 4 — кресало, 5 — остатки узды, 6 — кольцо, 7 — скрепка от рукоятки, 8—9 — пряжки, 10 — нож, 11 — кинжал

к железу меди для придания ему противокоррозийной стойкости [1]. На черенке и полосе сохранились следы дерева: ножны, по-видимому, были деревянные.

Возле верхнего конца сабли, с внутренней стороны были обнаружены при расчистке какие-то мелкие детали, принятые за остатки рукоятки. Для того чтобы эти остатки расчистить в более благоприятных лабораторных условиях, был взят небольшой монолит, при разборке

которого отделились три вещи: небольшой железный брусок, напоминающий собой клевец (рис. 2, 3), пряжка (рис. 2, 9) и зигзагообразная пластинка, по-видимому, скрепка для частей рукоятки (рис. 2, 7). Брусок длиной 10 см, у обушка почти квадратный в срезе, у острия — закругленный. Почти в середине имеется квадратное отверстие. Каково назначение этого предмета, нам не ясно. На уровне пояса возле локтя правой руки были найдены остатки уздечки (рис. 2, 5), а ближе к позвоночному столбу — подвеска в виде колокольчика (не сохранилась). На левой берцовой кости лежало кресало (рис. 2, 4). Оно имело вид изогнутого и прямоугольного в сечении стержня с плоской рабочей поверхностью. Концы кресала соединялись вплотную и слегка отгибались наружу. С внутренней стороны левой берцовой кости, вверху было найдено тонкое железное колечко диаметром 2,5 см (рис. 2, 6).

Ниже колена левой ноги, с наружной ее стороны лежали еще одна пряжка (рис. 2, 8) и стремя (рис. 2, 2). Дужка стремени круглая в сечении, на вершине она имеет зазор для ремня. Подножка пластинчатая, шириной 5,3 см, со слегка выпуклой внутренней поверхностью. Характерной особенностью стремени является наличие выступов в месте перехода от круглой дужки к подножке. По-видимому, к погребению относятся еще две вещи — кинжал и нож. Кинжал (рис. 2, 11) обоюдоострый, в сечении чечевицеобразный, с коротким закругленным в срезе черенком для скрепления с рукояткой. Нож (рис. 2, 10) узкий, длинный, с утолщенной спинкой. Мы не можем с полной уверенностью отнести эти вещи к инвентарю погребения, потому что они не были зафиксированы на месте, но их относительно хорошая сохранность и величина (длина сохранившейся части ножа 20 см, кинжала — 15,5 см) необычная для изделий из железа времени поселения, дают нам основание считать их принадлежащими к этому комплексу; положены они были возле бедренных костей погребенного.

О дате погребения можно сказать следующее. Ясно, конечно, что оно могло совершиться спустя длительное время после разрушения поселения в VI в. Наиболее характерные предметы инвентаря — сабля и стремя — позволяют определить раннюю возможную дату погребения. Н. Я. Мерперт отмечает, что Среднюю Азию следует включить в территорию раннего распространения сабель, но детально этот вопрос на местном материале рассматривать еще рано ввиду скудности выявленного материала: называется только находка на трассе Большого Чуйского канала обломка железного лезвия, по-видимому, сабли, и изображение сабли или однолезвийного меча на пянджикентских росписях [2]. Эти сведения мы можем дополнить материалами раскопок Пскентского могильника в 1929—1930 гг.,³ в отчете о которых неоднократно упоминаются обломки однолезвийных мечей, возможно сабель [3]. Однако эти материалы нами в данном случае не могут быть привлечены, так как они не датированы.

Сабля и стремя — предметы снаряжения легковооруженного воина — появились относительно поздно. На росписях Пянджикента, датированных серединой VII — началом VIII в., изображены еще прямые мечи, и только предполагается, что они уже были однолезвийными [4]. Это предположение основано на наличии на изображениях стремян, необходимых для упора при режущем ударе саблей. В Фергане найден однолезвийный меч с признаком перехода к сабле [5]. О том, что в VII—VIII вв. на вооружении уже были однолезвийные мечи, свидетельствуют недавние исследования в Казахстане, где в тюркских погребениях, датированных VI—VIII вв., такие мечи были найдены [6]. Но если однолезвийные мечи считать предшественниками сабель, то намечается ранний предел исследованного нами погребения воина — это IX век.

³ Указанием на этот отчет автор обязан О. В. Обельченко.

Обзор находок однолезвийных мечей и сабель на территории Средней Азии показывает, что здесь выявлено слишком мало сравнительного материала для датировки наиболее характерного в инвентаре предмета — сабли. Надо сказать, что и само погребение не похоже на известные в Средней Азии, что сильно осложняет решение вопроса о времени его совершения, а также об этнической принадлежности погребенного. Состав инвентаря, прежде всего сабля, стремя и кресало, позволяет связать этот комплекс со средневековыми кочевниками, населявшими степи Казахстана, Поволжья и Причерноморья как в указанное время, так и в более позднее — до XIII—XIV вв. [7]. В исторических источниках известны и народности, которые могли занести на юг Средней Азии названные предметы.

По сведениям арабского географа X в. Истахри в Южном Казахстане и в Приаральских степях жили гузы (огузы). К востоку от них, вплоть до Ферганы, обитали карлуки [8]. Известно, что они родственные народности тюркского происхождения. Открытое погребение можно отнести к одному из этих народов. Рассмотрим кратко основания для такого отнесения.

Известны три этапа движения огузов в IX—XI вв. из Приаральских степей на юг Средней Азии, преимущественно в современную Туркмению, где они явились одним из основных этнических компонентов туркменского народа [9]. Движение огузов в основном велось в юго-западном направлении, за Аму-Дарью, но не исключено, что они проникали и значительно восточнее. Обстоятельства, при которых произошло погребение, не противоречит предположению, что оно — огузское. Не противоречит этому европеоидность погребенного: в IX в. огузы могли быть европеоидами [10].

Карлуки в X в. кочевали восточнее огузов, севернее владений саманидов, но часть их еще в VIII в. проникла в Тохаристан [9, 11]. Исторические условия, в которых жили огузы и карлуки, имеют много общего, однако места поселений карлуков были ближе к нашему району. На этом основании мы высказываем предположение, что на Кыз-Тепе был погребен карлук.

В X в. тюркские кочевники на территории Средней Азии массами принимали ислам. Известно, что мусульманским обрядом не допускается положение с покойником каких-либо вещей. Однако в данном случае нельзя не обратить внимание на тот факт, что трупоположение совершено по-мусульмански: головой на северо-запад, лицом на запад. Не является ли это признаком переходности в представлениях кочевников, положивших труп по мусульманскому обряду, но не решившихся оставить своего чтимого соратника без необходимых «припасов»? В свете этого факта исследованное нами погребение кочевника можно датировать временем IX—X вв., вряд ли позднее.

Из изложенного видно, что при определении этнической принадлежности погребенного и времени его совершения мы принимаем во внимание главным образом письменные источники. При этом мы не могли опереться на материалы археологических исследований, несмотря на то, что они велись в довольно широких размерах во всех интересующих в данной связи районах — в Южном Казахстане и на юге Средней Азии. Автор сознает, что при отсутствии такой опоры обоснование выдвинутых предположений становится слишком односторонним. Более того, сам факт отсутствия исследованных погребений, подобных описанному, может быть использован против этих предположений, но другого вывода пока сделать невозможно: надо ждать дальнейшего накопления материала.

Для изучения истории оружия описанную саблю уместно сопоставить с другой находкой. В 1962 г. на городище Афрасиаб на дне очистной ямы, надежно датированной керамическим материалом VII—

VIII вв., были обнаружены обломки обоюдоострого меча. Очевидно, что в указанное время применялись не только однолезвийные мечи, но и двулезвийные, известные с глубокой древности. Обломки меча (рис. 3)

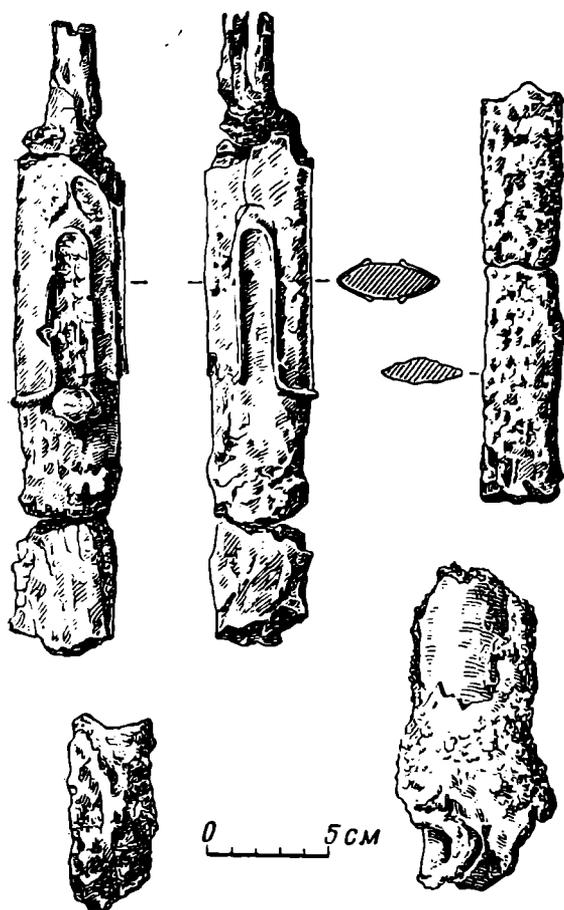

Рис. 3. Обломки меча VII — VIII вв. из Афрасиаба

не дают возможности восстановить его полностью, тем не менее они достаточны для восстановления основных признаков этого вида оружия. Меч был прямой, с обоюдоострым клинком шириной в верхней части 3,3 см; в разрезе полоса чечевицеобразная. Меч был в деревянных ножнах, остатки их видны хорошо. Верхняя часть ножен украшена медной накладкой. Сохранилась часть черенка рукоятки в виде слегка изогнутого стержня, овального в сечении и с отверстием для крепления обкладки. На одном из обломков сохранилась часть медного кольца, по-видимому, для ремня.

Находка из Афрасиаба показывает, что в VIII в. применялись как двулезвийные, так и однолезвийные мечи, а может быть, и сабли. Однако первый вид оружия был, по-видимому, оружием только земледельческих народов; у кочевников сабля вытеснила из обихода меч, что ближе всего соответствовало их приемам ведения войны.

археологических работ в республиках Средней Азии, находки оружия сравнительно редки. По существу в области изучения оружия ведется пока только первоначальное накопление материала. Поэтому автор надеется, что описанные находки представят несомненный интерес и в будущем займут свое место в обобщающих трудах по истории оружия.

В заключение нужно отметить, что, несмотря на широкий размах

Литература

1. О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. Сб. «Археология Средней Азии». Ташкент, 1957, стр. 119.
2. Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 167—168.
3. А. А. Потапов. Пскентский могильник, 1930, стр. 49, 54 и др. Рукописный отчет, хранится в архиве Узкомстарис (за № 1143).
4. М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 127.
5. Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане», VI, Сталинабад, 1961, стр. 74—75.
6. Г. А. Кушаев. Два типа курганных погребений правобережья реки Или. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, Алма-Ата, 1956, стр. 215—218.
7. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, МИА, 62, 1958, стр. 151—226.
8. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», I, Л., 1929, стр. 4.
9. А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, 3, стр. 48—54.
10. Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 3, Ереван, 1959, стр. 91—92.
11. Ал. Белазури. Китаб Футух албулдан. МИТТ, I, М.—Л., 1939, стр. 62.